

```

(SPR_PUNG,2,4,(NULL),S_PUNCH5,0,0), // S_PUNCH4
(SPR_PUNG,1,5,(A_ReFire),S_PUNCH,0,0), // S_PUNCH5 // do things to change the game state // Enemies are always
(SPR_PISG,0,1,(A_WeaponReady),S_PISTOL,0,0), // S_PISTOL while (gameaction != ga_nothing) // with targetplayer = -1
(SPR_PISG,0,1,(A_Lower),S_PISTOLDOWN,0,0), // S_PISTOLDOWN // Most numbers are s
(SPR_PISG,0,1,(A_Raise),S_PISTOLUP,0,0), // S_PISTOLUP switch (gameaction) // but some can be mad
(SPR_PISG,0,4,(NULL),S_PISTOL2,0,0), // S_PISTOL1 {
(SPR_PISG,1,6,(A_FirePistol),S_PISTOL3,0,0), // S_PISTOL2 case ga_loadlevel:
(SPR_PISG,2,4,(NULL),S_PISTOL4,0,0), // S_PISTOL3 G_DoLoadLevel();
(SPR_PISG,1,5,(A_ReFire),S_PISTOL,0,0), // S_PISTOL4 break;
(SPR_PISF,32768,7,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PISTOLFLASH case ga_newgame:
(SPR_SHTG,0,1,(A_WeaponReady),S_SGUN,0,0), // S_SGUN G_DoNewGame ();
(SPR_SHTG,0,1,(A_Lower),S_SGUNDOWN,0,0), // S_SGUNDOWN break;
(SPR_SHTG,0,1,(A_Raise),S_SGUNUP,0,0), // S_SGUNUP case ga_loadgame:
(SPR_SHTG,0,3,(NULL),S_SGUN2,0,0), // S_SGUN1 G_DoLoadGame ();
(SPR_SHTG,0,7,(A_FireShotgun),S_SGUN3,0,0), // S_SGUN2 break;
(SPR_SHTG,1,5,(NULL),S_SGUN4,0,0), // S_SGUN3 case ga_savegame:
(SPR_SHTG,2,5,(NULL),S_SGUN5,0,0), // S_SGUN4 G_DoSaveGame ();
(SPR_SHTG,3,4,(NULL),S_SGUN6,0,0), // S_SGUN5 break;
(SPR_SHTG,2,5,(NULL),S_SGUN7,0,0), // S_SGUN6 case ga_playdemo:
(SPR_SHTG,1,5,(NULL),S_SGUN8,0,0), // S_SGUN7 G_DoPlayDemo ();

```

commented parts
of your work.

И.В.Окунев

Они награждают только себя...

```

(SPR_MISG,1,0,(A_GunFlash),S_MISSILE2,0,0), // S_MISSILE1 G_ReadDemoTiccmd (cmd);
(SPR_MISG,1,12,(A_FireMissile),S_MISSILE3,0,0), // S_MISSILE2 if (demorecording)
(SPR_MISG,1,0,(A_ReFire),S_MISSILE,0,0), // S_MISSILE3 G_WriteDemoTiccmd (cmd);
(SPR_MISF,32768,3,(A_Light1),S_MISSILEFLASH2,0,0), // S_MISSILEFLASH1 // check for turbo cheats
(SPR_MISF,32769,4,(NULL),S_MISSILEFLASH3,0,0), // S_MISSILEFLASH2 // if (cmd->forwardmove > TURBOTHRESHOLD
(SPR_MISF,32770,4,(A_Light2),S_MISSILEFLASH4,0,0), // S_MISSILEFLASH3 if (cmd->forwardmove > TURBOTHRESHOLD
(SPR_MISF,32771,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_MISSILEFLASH4 && !(gametic&31) && (gametic>>51&3) == i)
(SPR_SAWG,2,4,(A_WeaponReady),S_SAWB,0,0), // S_SAW static char turbomessage[90];
(SPR_SAWG,3,4,(A_WeaponReady),S_SAWB,0,0), // S_SAWB extern char *player_names[4];
(SPR_SAWG,2,1,(A_Lower),S_SAWDOWN,0,0), // S_SAWDOWN sprintf (turbomessage, "%s is turbo!", player_names[i]);
(SPR_SAWG,2,1,(A_Raise),S_SAWUP,0,0), // S_SAWUP players[consoleplayer].message = turbomessage;
(SPR_SAWG,0,4,(A_Saw),S_SAW2,0,0), // S_SAW1 // P_NoiseAlert
(SPR_SAWG,1,4,(A_Saw),S_SAW3,0,0), // S_SAW2 if (netgame && !netdemo && !(gametic%ticdup) ) // if a monster yells at a
(SPR_SAWG,1,0,(A_ReFire),S_SAW,0,0), // S_SAW3 // it will alert other mon
(SPR_PLSG,0,1,(A_WeaponReady),S_PLASMA,0,0), // S_PLASMA if (gametic > BACKUPTICS
(SPR_PLSG,0,1,(A_Lower),S_PLASMADOWN,0,0), // S_PLASMADOWN && consistency[fillbuf] != cmd->consistency) void
(SPR_PLSG,0,1,(A_Raise),S_PLASMAUP,0,0), // S_PLASMAUP P_NoiseAlert
(SPR_PLSG,0,3,(A_FirePlasma),S_PLASMA2,0,0), // S_PLASMA1 _Error ("consistency failure (%i should be %i)",mob_t*
(SPR_PLSG,1,20,(A_ReFire),S_PLASMA,0,0), // S_PLASMA2 cmd->consistency, consistency[fillbuf]);
(SPR_PLSF,32768,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PLASMAFLASH1 // soundtarget = target
(SPR_PLSF,32769,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PLASMAFLASH2 // validcount++;
(SPR_BFGG,0,1,(A_WeaponReady),S_BFG,0,0), // S_BFG if (players[i].mo) // P_RecursiveSound
(SPR_BFGG,0,1,(A_Lower),S_BFGDOWN,0,0), // S_BFGDOWN consistency[fillbuf] = players[i].mo->x;
(SPR_BFGG,0,1,(A_Raise),S_BFGUP,0,0), // S_BFGUP else // P_RecursiveSound
(SPR_BFGG,0,20,(A_BFGsound),S_BFG2,0,0), // S_BFG1 consistency[fillbuf] = mindex;
(SPR_BFGG,1,10,(A_GunFlash),S_BFG3,0,0), // S_BFG2 // check for special buttons
(SPR_BFGG,1,10,(A_FireBFG),S_BFG4,0,0), // S_BFG3 for (i=0 ; i<MAXPLAYERS ; i++)
(SPR_BFGG,1,20,(A_ReFire),S_BFG,0,0), // S_BFG4 // P_CheckMeleeRange
(SPR_BFGF,32768,11,(A_Light1),S_BFGFLASH2,0,0), // S_BFGFLASH1 //
(SPR_BFGF,32769,6,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_BFGFLASH2 //
(SPR_BLOOD,2,8,(NULL),S_BLOOD2,0,0), // S_BLOOD1 // check for special buttons
(SPR_BLOOD,1,8,(NULL),S_BLOOD3,0,0), // S_BLOOD2 for (i=0 ; i<MAXPLAYERS ; i++)
(SPR_BLOOD,0,8,(NULL),S_BLOOD,0,0), // S_BLOOD3 //
(SPR_PUFF,32768,4,(NULL),S_PUFF2,0,0), // S_PUFF1 if (playeringame[i]) // boolean P_CheckMeleeR
(SPR_PUFF,1,4,(NULL),S_PUFF3,0,0), // S_PUFF2 {
(SPR_PUFF,2,4,(NULL),S_PUFF4,0,0), // S_PUFF3 if (players[i].cmd.buttons & BT_SPECIAL) {
(SPR_PUFF,2,4,(NULL),S_PUFF,0,0), // S_PUFF4 //

```

Игорь Окунев

Они награждают только себя...

«Автор»

2017

Окунев И. В.

Они награждают только себя... / И. В. Окунев — «Автор», 2017

Книга повествует о реальных событиях, имевших место во временном промежутке между 2002 и 2017 годами. Гибель одного человека и спасение другого. За спасение человека государством предусмотрена награда. Но достоин ли спасавший этой награды? Достоин ли спасенный называться порядочным человеком? Сложные отношения между мужчинами и женщинами, начальниками и подчиненными, чиновниками и просителями и т.д. Способ как, находясь в России, привести к власти в США Трампа. Бюрократию в России можно победить. И многое другое.

© Окунев И. В., 2017

© Автор, 2017

Медаль

Стоял конец февраля 2002-ого года. Был выходной день. Я решил совершить прогулку в лес, не подозревая, каким эмоциональным для меня окажется этот день.

Я шел не спеша и думал о жизни. Я жил в небольшом уютном городе с живописными окрестностями. В то время мне было 48 лет. Два года назад я развелся со своей женой. С ней мы прожили 20 лет. Я всегда был убежден, что семья – это святое дело. Пока у меня была семья, я делал все возможное, чтобы она не распалась. Я всегда уступал жене. Когда мы ссорились с ней, я первым просил у нее прощения. Я довольно грубо отталкивал женщин, которые пытались меня соблазнить. Но все мои старания оказались напрасными. У жены были подруги, которые быстро развелись со своими мужьями. Они страдали в одиночестве и, конечно, завидовали прочности нашей семьи. Женщины коварны, и, чтобы подвергнуть свою подругу таким же страданиям, они всячески подстрекали мою жену к разводу. Они говорили ей, что так долго, как она, в семьях уже никто не живет, что я катаюсь как сыр в масле, что в мире есть мужчины лучше меня. Жена поддавалась на эти провокации, и наша когда-то дружная семья распалась. Забрав с собой двух наших сыновей, жена уехала к себе на родину. Я очень любил этих милых мальчиков и не представлял без них своей жизни. Первые дни после их отъезда я очень сильно переживал. В то время я не мог лежать, сидеть и стоять – мне надо было постоянно ходить, чтобы стряхнуть с себя эти невыносимые переживания. И я все время ходил – день и ночь, без отдыха и сна, понимая, что долго я так не выдержу – но и остановиться я не мог. В те дни я понимал тех людей, которые совершали самоубийства – жизнь для меня была невыносимой пыткой. Но однажды, придя домой, я упал на диван, и у меня уже не было больше сил, чтобы подняться и опять ходить. Я прислушался к окружающей меня тишине: дети не шумели, жена не ходила из комнаты в комнату. Я подумал: «А ведь это все прекрасно – тишина, покой. Зачем я переживаю?» И мои мучения закончились. К тому времени моя бывшая жена жила уже с другим мужчиной. В письмах к своим подругам она писала о нем: «Страшненький, но зато на руках носит».

Думая таким образом, я вышел из города. На лугу снег почти совсем растаял. Вода в реке заметно поднялась, было видно сильное течение, но местами стояли небольшие льдины. На середине моста я остановился и посмотрел вниз. Огромные массы воды неслись на опоры моста и с шумом разбивались о них. Казалось, что мост не устоит от такого напора. Я подумал о том, как было бы ужасно оказаться в этой ледяной воде.

В лесу было еще много снега, но он интенсивно таял. На поверхность проступали предметы: брошенные, а то и просто потерянные. Я подобрал лыжную палку, которой суждено было сыграть важную роль в последующих событиях.

Как всегда после прогулки по лесу, домой я возвращался с хорошим настроением. Выйдя на мост, я заметил, что какой-то мальчик лет двенадцати подбегал к прохожим и о чем-то просил их. Прохожие быстро отворачивались и спешили уйти от него. Наконец он подбежал ко мне и взволнованно проговорил:

– Помогите! Ромка утонул, его уже не видно, но Илюшу можно еще спасти!

Эта фраза вернула меня на два десятилетия назад в то время, когда я служил в Советской Армии. Я отслужил в ней 8 лет: 2 года срочной службы и 6 лет сверхсрочной. Для меня эта фраза означала, что я должен куда-то очень быстро бежать и, подвергая свою жизнь смертельной опасности, что-то делать на благо людей и страны. Интересная профессия у солдата. Все нормальные люди на работе работают, а солдат на своей работе должен умирать. Первый раз в армии, когда я понял, что через 10 минут стану трупом, я испытал глубокие душевные переживания. Внутренний голос тогда упорно твердил мне: «Ты еще так молод! Зачем тебе умирать? И ради кого и чего тебе умирать? Ради соседки, которая ворует у тебя помидоры с огорода?» И

тогда я принял позорное решение – спрятаться за спинами своих товарищей, таких же солдат, как и я. Но со временем в армии я привык играть в азартные игры со смертью и уже больше не прятался за спинами товарищей, а наоборот первым бросался туда, где моей жизни угрожала смертельная опасность. Существует легенда, что в армии за геройство награждают. Нет, в то время за геройство не награждали. Награждали только коммунистов, но не за геройство, а за регулярное присутствие на их собраниях.

Я побежал спасать того мальчика. Местами на лугу уже была вода и приходилось ее преодолевать. Я был заядлым рыбаком и много раз в азарте рыбалки бросался в ледяную воду. Поэтому для меня не было серьезной проблемой в одежде перейти через какой-нибудь глубокий ручей. К месту трагедии я добрался довольно быстро. Там я увидел страшную картину: на льдине стоял мальчик лет девяти, маленький, совершенно раздетый (без шапки, в одной рубашке) и абсолютно мокрый. Он отчаянно дрожал и жалобно лепетал:

– Я за-ме-рз...

Жуткие интонации в его голосе говорили о том, что ребенок погибает, и от этого становилось не по себе.

Как я узнал позже, произошло следующее. В тот день три подростка Ромка, Илюша и Костя играли в районе реки. Ромка с Илюшей перепрыгнули на льдину на поверхности воды. Вода в реке резко поднялась и сильным течением льдину отрезало от берега. Ромка провалился в воду. Илюша снял куртку и с ее помощью пытался вытащить товарища из воды, но, в результате, потерял куртку и сам промок. Сильное течение понесло Ромку, и он погиб. Находившийся на берегу Костя выбежал на мост и стал обращаться к прохожим за помощью. Все отказывались по понятным соображениям: не хотелось куда-то бежать, прыгать в ледяную воду, подвергать свою жизнь смертельной опасности и т.д. Но я, уже в армии зараженный азартом игры со смертью, конечно же согласился.

Между берегом и льдиной, на которой стоял Илюша, был большой промежуток воды – глубина огромная, течение страшное. Зайдя в воду, насколько позволяла глубина и сила течения, я вытянул руку с лыжной палкой. Ее конец едва коснулся льдины. Илюше надо было ухватиться за этот конец. Но он стоял далеко от края льдины, и этот край был очень тонким – не выдержит даже веса ребенка. Конечно был риск того, что мальчик погибнет, попытавшись подойти к краю льдины. Но иного выхода не было – надо было рисковать: точно так же, как в армии. Я крикнул мальчику:

– Разбегайся и беги в направлении палки.

В ответ я услышал:

– Я не могу, я замерз...

– Беги! – крикнул я, и мальчик начал медленно двигаться. Приблизившись к краю льдины, он ускорил свое движение, льдина обломилась под его ногами, но мальчик, продолжая двигаться по инерции, успел ухватиться за конец палки. Через несколько мгновений я вытащил его на берег.

Сначала меня охватило чувство радости, хотелось обнимать мальчика, хлопать его по плечу. Но это чувство сразу прошло, так как мальчик был переохлажден. Он срочно нуждался в тепле, но ближайšie городские дома были так далеко. Я посмотрел в направлении моста – там двигался поток машин. Схватив мальчика под мышку, я по воде и грязи понес его к мосту в надежде остановить там машину, в которой этот мальчик мог найти желанное тепло. В своих руках я чувствовал маленькое, но уже мускулистое тело. Промелькнула мысль: «Вырастет крепкий мужчина». Малыш лепетал:

– Спасибо дядя... Ромка утонул... Теперь буду сидеть дома.

Но вот, наконец, и мост. Держа мальчика в руках, я попытался остановить первую машину, но ее водитель сделал вид, что не замечает нас – машина проехала мимо. Я пытался остановить вторую, третью, четвертую машины – безрезультатно. Водители прекрасно видели

раздетого, мокрого, замерзающего ребенка, но "родные" русские лица мужские и женские, старые и молодые, как по команде отворачивались: машины проезжали мимо погибающего ребенка... Я был потрясен и беспомощно смотрел на проезжавшие машины. Я чувствовал себя идиотом и посмешищем – только я один бросился в ледяную воду, чтобы спасти погибающего мальчика; а все эти умные и серьезные люди не могли оказать замерзающему ребенку ничтожную помощь – посадить его в свою машину.

Но еще одна мысль тревожила меня. Внутренний голос говорил мне, что надо быстрее возвратиться на место трагедии и попытаться спасти второго мальчика. Хотя он уже ушел под воду, но в нем еще теплилась жизнь – и если его быстро вытащить из воды, то был шанс вернуть его к жизни. Передав спасенного мальчика прохожим, я вернулся к реке.

Несколько раз я пробежал вдоль берега реки, внимательно всматриваясь в бурлящие потоки мутной воды в надежде увидеть там тело мальчика. Но все было безрезультатно. Потрясенный гибелью ребенка и равнодушием взрослых, я присел на бетонную плиту рядом с мостом.

Долго я еще сидел там, думая о том, как жестока и несправедлива эта жизнь. Но потом я поднялся и медленно побрел домой. Войдя в город, я увидел, что мне навстречу идет тот спасенный мной мальчик – он уже был переодет во все сухое. Рядом с ним шла молодая, красивая женщина. Эту женщину раньше я уже несколько раз видел в городе и, честно признаться, она мне нравилась – я даже собирался познакомиться с ней для серьезных отношений. Мальчик подбежал ко мне и, схватив за руку, сказал, обращаясь к той женщине:

– Вот дядя, который меня спас.

Подойдя ко мне, женщина спросила:

– А где второй?

Находясь в подавленном состоянии, я не подумал, как правильно ответить ей. И мой ответ прозвучал для нее слишком жестоко:

– Он погиб...

Женщина громко закричала и забилась в рыданиях. Продолжая кричать и рыдать, она пошла в направлении реки. Это была мама погибшего мальчика.

Два дня после этого я пребывал в этом подавленном состоянии, пока не понял, что надо искать какой-то выход своим отрицательным эмоциям. Я решил написать статью в местную газету с описанием происшедших на реке событий. Так как впечатления были живыми и яркими, то статья писалась легко. Перечитав уже готовую статью, я прослезился.

Я принес статью в редакцию газеты и показал редактору. Это была женщина. Она начала читать статью с довольно равнодушным выражением на лице. Но в процессе чтения выражение ее лица заметно менялось. Когда, прочитав статью, она подняла на меня глаза, в них блеснули слезы. Женщина сказала:

– А вы владеете слогом.

На это я ответил:

– В ответственные моменты жизни это иногда пробуждается.

Женщина сказала:

– Сегодня и завтра я буду разбираться с этим очень важным вопросом. Поэтому послезавтра ваша статья будет обязательно опубликована.

Через два дня я зашел в редакцию, и там мне подарили свежую газету с моей статьей. Кроме моей статьи, там была еще и статья, в которой поднимался вопрос о поисках в реке тела погибшего мальчика. Но, писалось в газете, при тогдашних погодных условиях – лед стоит, огромная скорость течения – проводить спасательные работы было запрещено инструкцией. Не исключены были новые жертвы. Я принес эту газету домой, положил ее между книг и на много лет забыл про нее.

Я работал инженером-сметчиком на машиностроительном заводе. Вскоре весь завод узнал о моем подвиге. Во всех отделах читали газету с моей статьей. Мужчины смотрели на меня со сдержанным уважением, а женщины – с умилением и восторгом. Но это продолжалось недолго. Вскоре все это забылось, и женщины опять стали смотреть на меня с холодным и презрительным равнодушием.

Летели годы. Было много женщин, с которыми я пытался создать новую семью. Но близкие отношения с каждой из них продолжались не более года. Затем эти отношения прерывались по инициативе самих женщин. Я начинал понимать, что все свободные женщины занимаются просто коллекционированием мужчин – встречаются с одним мужчиной не более года, а потом меняют партнера. Все это они делали для того, чтобы в глубокой старости вспоминать эту коллекцию. Расставание с каждой из моих женщин было очень болезненным для меня. Но сами эти женщины очень легко переносили расставание со мной. Я удивлялся: «Как же сильны эти слабые женщины!»

В 2009 году я встретил женщину по имени Ира. Она была очень красивой и умной. Я всегда восхищался тем, как прекрасны и правильны были черты ее лица. Она много читала, быстро разгадывала сложные кроссворды, писала стихи. Одно стихотворение она посвятила мне – в нем она очень ярко писала о своей любви ко мне. У нее был на редкость красивый почерк. Мы стали жить с ней вместе в моей однокомнатной квартире.

Первые дни нашей совместной жизни были идиллией. Но вскоре у Иры обнаружился ужасный порок. Она стала часто выпивать на работе – а работала она продавщицей на рынке. Приходя пьяной с работы, она кричала на меня:

– Ну что, чмо, уставился на меня недовольным взглядом? А я хочу пить, и я буду пить! Ты мне не запретишь!

Начались постоянные скандалы. Каждый раз, возвращаясь домой с работы, я молил бога, чтобы увидеть там трезвую Иру. Но, за исключением нескольких очень редких случаев, Ира всегда была пьяной. Я много раз выгонял ее из дома. Но проходило несколько дней, и нас опять тянуло друг к другу – Ира возвращалась ко мне. Возникла страшная тупиковая ситуация, когда вместе жить невозможно, но и расстаться навсегда нельзя.

Без Иры я страшно тосковал, но то, что она вытворяла, возвращаясь ко мне, было тоже невыносимо. Все стены моей квартиры были залиты содержимым сырых яиц – Ира, выражая свое недовольство чем-либо, в бешенстве швыряла эти яйца куда попало. Отравленная алко-голем, она часто оставляла в постели включенные электронагревательные приборы – и только чудо пока спасало мой дом от страшного пожара. Ира все время забывала кастрюли на включенном газе – и еда в них выгорала до самого днища, наполняя квартиру удушливым дымом. Весь пол был завален остатками пищи – в доме появились мыши.

Реплики, которые выкрикивала Ира в мой адрес, становились все более и более угрожающими:

– Козел! Не надейся, тебе не будет покоя от меня! Я отомщу тебе за всех женщин! Я загоню тебя в гроб! Я найму киллера, и он убьет тебя! Я феминистка! Я поклялась убивать мужчин!

Радость жизни покинула меня. Я понимал, что погибаю, но у меня не хватало сил окончательно порвать с Ирой. Так мы прожили с ней год. Однажды она сказала мне, что ей надо переночевать только одну ночь у своей матери. Я с удовольствием отдохнул эту ночь без нее. На другой день Ира не пришла – я так же прекрасно отдыхал и вторую ночь. Потом третью и четвертую. Ира не возвращалась, но ее вещи оставались в моей квартире. Таким образом, создавалась иллюзия того, что мы вроде бы и не расставались, но, тем не менее, продолжали жить врозь. Ни капли не переживая, я начинал привыкать жить без Иры. Через три недели я понял, что окончательно привык жить без нее и начал понемногу относить ей ее вещи. И произошло чудо – я избавился от этого дьявола в образе прекрасной женщины.

Радость жизни опять вернулась ко мне. Я ощутил невероятный прилив энергии. Я опять наслаждался красотой природы, запахами леса. В выходные дни я уезжал на рыбалку как можно дальше от города, в самые отдаленные, глухие места. Я дышал там этим кристально чистым лесным воздухом. В полдень, немного перекусив, я ложился в траву, подложив под голову рюкзак. Я любовался видом этой сказочной природы. Справа текла река, и лучи солнца играли на ее поверхности. Слева в зарослях камыша пряталось лесное озеро, окруженное вековыми деревьями. Сверху было голубое небо в белых пятнах облаков. Я засыпал. Потом просыпался и опять видел это небо. Повернув голову, я в нескольких сантиметрах от своего лица видел черную жирную гадюку, которая с любопытством смотрела на меня. Я не понимал, почему люди ненавидят и убивают этих гадюк. Я был глубоко убежден, что это абсолютно безобидные существа. Да, они очень любопытны. Практически во время каждой моей рыбалки гадюки подползали вплотную ко мне и с любопытством наблюдали за мной. Но никакого вреда мне они не причиняли.

Однажды одна любопытная белка увидела меня с противоположного берега реки. Не смотря на то, что река была довольно широкой, эта белка решила вплотную подплыть ко мне. Конечно, мне не составило труда поймать ее в воде. Белка начала яростно вырываться из моих рук, отчаянно размахивая своими лапками. Коготки на ее лапках были очень острые, и она могла ими поцарапать мои руки. Но вместо этого она до крови поранила себе мордочку. От сильной боли белка неожиданно громко закричала. Я почему-то подумал, что на этот крик могут прибежать волки – и поспешил отпустить белку.

А еще мне нравилось совершать прогулки на велосипеде по лесным и шоссейным дорогам в радиусе 75 километров от города. Таким образом, в общей сложности я проезжал 150 километров в день. На моем велосипеде был установлен счетчик километров, так что я мог точно знать, какое расстояние я проехал. В то время мне было уже 56 лет, и меня удивлял тот факт, что, проехав такое значительное расстояние, я почти не испытывал большой усталости. Я прекрасно помнил, как в молодые годы я сильно уставал, проехав всего 10 километров. Я даже нашел объяснение этому удивительному феномену. Я считал, что все это происходит от того, что в старости время летит быстрее, чем в молодости. Поэтому усталость переносится легче и т.д. Но я жестоко ошибался. Удивительная легкость, с которой я проезжал на велосипеде 150 километров, была от того, что мое израненное невзгодами сердце уже работало на пределе своих возможностей, и до его остановки оставалось совсем немного времени.

И это не заставило себя долго ждать. Однажды я гулял в центре города. У меня было прекрасное настроение. Я чувствовал необычную легкость – как будто мне было не 56 лет, а всего лишь 20. Вдруг внутри моей груди что-то слегка сжалось. Я не придал этому значения, надеясь, что это скоро пройдет. Я даже специально ускорил шаг, чтобы это скорее прошло. Но давление в груди усиливалось. Сначала я почувствовал тревогу, потом меня охватила паника – давление в груди было очень сильным и никак не проходило. Я решил идти домой, но, сделав несколько шагов, я понял, что не смогу пройти то небольшое расстояние, которое отделяло меня от дома – ноги подкашивались. Кое-как я протиснулся в помещение аптеки, рядом с которой я в тот момент оказался. Я собирался попросить ее работников вызвать скорую помощь, но у меня уже не было сил сделать это. Я смог только добраться до скамейки у входа и упасть на нее. Сейчас я понимаю, что в тот момент я уже умирал. Что чувствует человек перед смертью? Говорят, что в этот момент человек видит какой-то туннель. Нет, в тот момент я чувствовал адскую боль в груди. От такой боли люди обычно кричат или стонут, но у меня уже не было сил делать это. Я ничего не видел перед собой, я только старался как-то ослабить эту боль, пытаюсь принять какую-нибудь удобную позу, и постепенно сползал со скамейки на пол. Все клетки моего организма, почувствовав приближение смерти, отчаянно боролись за жизнь – мое тело покрылось предсмертным потом.

Работники аптеки, увидев мои предсмертные судороги, вызвали скорую помощь. Наверно у меня уже не было шансов выжить – но произошло чудо. Скорая помощь приехала. Я ничего не видел, я только услышал, как вошли какие-то люди, и мужской голос спросил:

– Почему он весь мокрый?

Потом рядом со мной что-то разложили. Тот же голос сказал:

– Кладите его на брезент.

Меня сдвинули на брезент, потом подняли и понесли. Втиснули меня в кузов скорой помощи и бросили, очевидно на пол – я ударился о что-то головой. Подключили к моей груди какой-то аппарат. Через некоторое время тот же голос с изумлением произнес:

– Обширный инфаркт. Срочно делай ему укол.

В приемном отделении больницы меня раздели, положили на носилки и в лифте подняли на четвертый этаж в отделение реанимации. Я уже мог кое-что видеть вокруг себя. Дежурный врач спросила меня:

– Чем вы болели в детстве?

Я понимал вопрос, но не мог говорить. Сильная боль в груди заставляла меня метаться в постели из стороны в сторону. Врач продолжала настойчиво задавать тот же вопрос. Я, собрав все свои последние силы, выдал из себя:

– Прос-туд-ные...

Зашел какой-то врач, чтобы из любопытства посмотреть на умирающего. Я услышал, как он вполголоса произнес:

– Долго не протянет.

Медсестра подключила мне капельницу. Через какое-то время мне стало легче. А через час я уже чувствовал себя настолько хорошо, что собирался вставать и идти домой. Опять зашел тот любопытный врач. Увидев меня в таком хорошем состоянии, он постучал костяшками пальцев по столу и сказал:

– Слава богу.

Через трое суток меня перевели в кардиологическое отделение. Все врачи и сестры твердили мне:

– Лежи, лежи!

Но мне не лежалось – привыкший до этого много двигаться, я страдал, лежа в постели.

В палате со мной лежали мужчины, к которым приходили их женщины и с любовью ухаживали за ними. Ко мне никто не приходил. Все обратили на это внимание, и те женщины стали иногда давать мне то банан, то яблоко, то конфету. Мои соседи по палате спрашивали меня с чувством превосходства:

– Неужели у тебя нет женщины?

Я отвечал:

– Никак не могу найти. Ничего не получается.

Они говорили мне:

– Да ты что? Кругом так много хороших женщин.

Я отвечал:

– Они все какие-то ненормальные. Может быть из-за них я и попал в больницу. Они стремятся убивать мужчин.

Один из мужчин сказал:

– Я за своей вроде не замечал ничего такого. Хотя, черт ее знает, может она что-то и подсыпает мне в компот. А куда деваться?

Вскоре мне принесли мои вещи, изъятые при поступлении в реанимацию. Среди них был мобильный телефон. Там был номер телефона одной женщины, с которой у меня были несколько необычные отношения. Пять лет назад я встретил эту женщину в центре города. Она мне понравилась – стройная, классически красивая. Она медленно шла и о чем-то думала. Я

подошел к ней и предложил познакомиться. Она охотно назвала свое имя и сразу дала номер своего телефона. Мы с ней долго гуляли, болтая о всяких пустяках. Уже начинало темнеть, когда мы подошли к подъезду ее дома. Опершись на мое плечо, она наклонилась, сняла свои трусики и положила их в сумочку. Потом, приподняв одну ногу, она сказала мне:

– Давай, только быстрее. Я хочу отомстить тому козлу, с которым встречаюсь.

На другое утро я проснулся самым счастливым человеком на земле – наконец я встретил женщину, которая была лучше тех, которых я до этого знал, и, пожалуй, даже лучше моей бывшей жены. Вечером того же дня я позвонил ей и предложил встретиться. Она ответила, что встречаться со мной не будет, так как она уже много лет встречается со своим парнем и не собирается его бросать. Она добавила, что, если мне когда-нибудь станет скучно, то я могу звонить ей или приходить к ней в магазин – но только для того, чтобы просто поболтать. С тех пор я так и делал – иногда звонил ей или приходил к ней в магазин – и мы с ней просто болтали, легко находя друг с другом общий язык.

Теперь, лежа в палате с этими мужчинами, я думал: «Ну вот, люди как люди. К ним приходят женщины, а ко мне нет. Неужели я хуже всех?» Я позвонил той женщине. Она подняла трубку. Я сказал ей, что у меня был инфаркт и в данный момент я лежу в больнице. Она попросила назвать номер палаты. Я назвал. Она сказала, что придет ко мне. Мне стало так тепло на душе. Я лежал, смотрел на дверь и думал: «Вот сейчас она войдет, такая яркая и красивая. И тем мужикам в палате станет не по себе – она намного красивее их женщин». Но она конечно не пришла.

Безусловно, работники аптеки, скорой помощи и больницы своими быстрыми и умелыми действиями спасли мне жизнь. Было бы непрослительной подлостью с моей стороны в чем-то упрекать их. Я должен быть до конца благодарным им.

После выписки из больницы я еще два месяца был на больничном. Потом была комиссия, на которой мне дали третью группу инвалидности. По совести, должны были дать вторую группу, но за это надо было давать кому-то взятку – я не стал этого делать. Но и с третьей группой у меня была неплохая пенсия по инвалидности и некоторые льготы.

Последствия инфаркта были печальными – при напряжении или быстрой ходьбе, в груди у меня появлялась ужасная давящая боль и я начинал задыхаться. Конечно о рыбалке и велосипедных прогулках уже не могло быть и речи.

Иногда я думал: «Все люди живут в семьях. Может быть и мне надо найти спутницу жизни?» Один раз я попытался это сделать. На улице я встретил симпатичную женщину, которая вроде бы подходила мне по возрасту. Я пошел за ней, чтобы познакомиться. Женщина шла не очень быстро. Но я никак не мог ее догнать – ноги были как ватные, и я с трудом переставлял их. Я ускорил шаг, но вскоре боль в груди заставила меня остановиться и прислониться к дереву. Я подумал: «Все. О женщинах надо забыть навсегда». Было очень обидно, но внутренний голос успокаивал меня: «Не все так плохо. Женщина – это смерть для мужика. Мужчины как ненормальные лезут к женщинам – обжигаются, теряют здоровье, часто гибнут. Но оставшиеся в живых все равно лезут и лезут к ним. Мужчины наивно считают, что близость с женщиной – это вершина наслаждения. Ну какое это наслаждение? Это просто обман – такой же обман, как алкоголь и наркотики. Но близость с женщиной наносит мужчине больше вреда, чем алкоголь и наркотики. Значит, буду жить без женщин. Нет, конечно я буду общаться с женщинами, раз они существуют в этом мире. Но, ни какой близости!»

И я начал жить по этому принципу. Ходил по магазинам (а их после краха социализма стало очень много), выбирал самых симпатичных продавщиц и просто общался с ними без всяких намеков на близкие отношения. Многие из них были не против этого общения – но они воспринимали мое внимание к ним как ухаживание. Они привыкали к тому, что я к ним приходил и ждали меня – и если я долго не приходил, то обижались:

– Почему долго не приходишь?

А некоторые даже задавали очень смелый вопрос:

– А что насчет секса?

Нет, секса им я не предлагал.

К тому времени тот «страшненький» мужичек, который носил мою бывшую жену на руках, уже перестал ее носить и более того – он исчез в неизвестном направлении, забрав у нее все ее деньги. Ко мне стали подходить люди и сообщать, что бывшая жена хочет вернуться ко мне. Конечно ее возвращение не имело никакого смысла, и я отказывался. Не отрицаю, женщина может испытывать неповторимые ощущения, когда страшненький мужичек носит ее на руках. Но стоит ли ради этого разрушать самое святое, что может быть у человека – его семью?

Я продолжал работать на том же заводе. Основная работа была у меня очень сложной и ответственной. Практически, я один выполнял работу нескольких отделов, каждый из которых состоял из десятков инженеров и техников. Эта работа состояла в следующем. Мне приносили проект, то есть техническую документацию на какой-нибудь сложный механизм – это целая гора бумаг. Десятки, а порой, сотни чертежей деталей и сборочных единиц. На чертеже детали или сборочной единицы были указаны десятки, сотни размеров, согласно которым надо было обрабатывать деталь или собирать сборочную единицу. На основании каждого чертежа детали мне нужно было определить заготовку с припусками на обработку согласно размерам, подсчитать время на эту обработку для различных работ: заготовительной, токарной, фрезерной, строгальной, расточной и т.д. На основании каждого чертежа сборочной единицы мне надо было подсчитать время на сборку для слесарей сборщиков. Потом нужно было суммировать стоимости всех материалов для заготовок и стоимости всех работ. К этой сумме надо было прибавить различные накладные расходы. В итоге получалась стоимость всего проекта. Занижение стоимости проекта вело к тому, что завод оказывался в убытке, не хватало материалов на изготовление, зарплата рабочих была недопустимо низкой. Завышение стоимости проекта вело к тому, что клиент отказывался покупать готовое изделие, излишки материалов разворовывались. Меня бы выгнали с работы, если бы я допустил занижение или завышение стоимости проекта. Но без каких-либо нареканий я продержался на этой работе 25 лет.

Кроме моей основной работы, у меня была еще и дополнительная – я был переводчиком с английского языка на русский и наоборот. Эта дополнительная работа была не легче, а может быть даже сложнее моей основной работы. Мне надо было знать сотни тысяч различных английских слов и словосочетаний, английскую грамматику, понимать не только литературный английский, но и разговорный. Очень часто завод получал заказы, которые сопровождалось технической, юридической, финансовой и другой документацией на английском языке – это горы бумаг с английским текстом. Все это я должен был переводить на русский язык, причем очень быстро и, при этом, не забывая еще выполнять свою основную работу.

Главный инженер завода (второй человек на заводе после директора) видел, какой сложной и ответственной была у меня работа. Поэтому он уважал меня и ценил – регулярно заносил мою фамилию в списки на премию за особо важные задания, и если меня кто-то обижал из начальства, он довольно решительно защищал меня. В 2012 году мне до пенсии оставалось два года. Я обратился к главному инженеру с просьбой повысить мне оклад, так чтобы при расчете моей будущей пенсии ее размер оказался максимальным. Главный инженер предложил мне перейти в другой отдел на такую же должность, но с более высоким окладом. Я согласился.

В новом отделе я продолжал выполнять ту же работу, как и прежде, и еще мне добавили большой объем работы, касавшейся того отдела. Начальником отдела был один очень неприятный человек, который довольно жестоко обращался со своими подчиненными. Его отец был председателем колхоза. Он по всей видимости истязал своих забитых и бесправных колхозников, а его сын учился у него этой жестокости.

Начальник был очень жадным на деньги. Каждый месяц руководство завода выделяло на отдел приличную сумму денег для премирования всех работников отдела. Начальник нагло присваивал все эти деньги себе, говоря при этом:

– Я – самый важный работник в отделе.

Его любимым развлечением было неожиданно и без всяких оснований понижать оклад какому-нибудь работнику. Несчастный приходил к нему и спрашивал:

– За что понизили оклад?

Начальник, улыбаясь, отвечал ему:

– Было бы за что, я бы убил тебя.

Также ему очень нравилось подводить под сокращение хороших и нужных заводу работников.

Я проработал в том отделе шесть месяцев, когда на заводе началась компания по сокращению штатов. Я, по понятной причине, был уверен, что меня никто и никогда не сократит. Но каково было мое изумление, когда я увидел в списке на сокращение свою фамилию. Этот список был составлен начальником отдела. Как всегда в таких случаях, я собирался уже обратиться за помощью к своему покровителю – главному инженеру. Но произошла нелепость – главный инженер что-то не досмотрел во время ремонта крыши основного цеха, и хозяин завода с позором увольнял его.

Я зашел к начальнику отдела кадров и сказал ему:

– Меня сокращают. А как же завод будет обходиться без сметчика и переводчика?

Этот начальник только недавно пришел на завод. Он многого не знал и не понимал, но в тот момент главной его задачей было сокращение штатов. Поэтому он сказал мне:

– Незаменимых работников не бывает.

Тогда я обратился в прокуратуру. Но там мне разъяснили, что завод находится в частной собственности, а собственникам предоставлены широкие права решать свои внутренние проблемы. Так что, если не нравятся действия хозяина, то лучше уволиться с завода – насильно там никого не держат. Конечно в этом была справедливость. Хозяин завода был серьезным игроком на машиностроительном рынке, подвергался многочисленным рискам, и конечно он сам должен был решать кого увольнять, а кого принимать.

Я понял, что должен уйти с завода. Расставание с заводом было очень эмоциональным для меня. Я ходил по его территории, заглядывал в цеха. За 30 лет, которые я проработал на заводе, все это стало как бы родным для меня. За эти годы завод ничего плохого не сделал для меня – только хорошее. Здесь я проделал свой путь от простого рабочего до инженера самой высокой категории. Не верилось, что я больше никогда уже ничего этого не увижу. Я прощался с заводом – предательские слезы текли по щекам.

Я зашел в отдел. Виновником моей трагедии был начальник отдела – трудно было понять, чем я ему не угодил. Во мне кипел гнев. В этот момент пришел сам начальник. Я подошел к нему и, собрав все свои силы, начал кричать ему в лицо:

– Ты подлец, ты мразь! Ты соображаешь, что ты творишь? Подонок! Ты увольняешь больного человека, инвалида, за полтора года до пенсии!

Все работники отдела оцепенели. Опустив глаза они с ужасом слушали, как оскорбляют их начальника – человека, которого они всегда боялись и перед которым пресмыкались. От неожиданности начальник опешил, потом нерешительно направился к выходу. Наверно в тот момент он говорил себе: «Пусть подлец, пусть мразь, пусть подонок, но зато живой остался». Обычно люди на моем месте в такой ситуации кричат вслед уходящему:

– Сука подлая! Я тебя поймаю где-нибудь и изуродую!

Но смысл этой фразы я выразил в несколько более культурной форме. Я крикнул ему:

– За это твоя совесть будет мучить тебя до конца твоих дней!

Я сел за свой рабочий стол. Гнев в душе перерастал в ярость. В голове пробегали мысли: «Как этот подонок посмел вторгнуться в мою жизнь и поломать ее? Причем без всякого на то повода». Мне было известно, что до меня он таким же подлым образом уволил несчастных людей – беженцев из бывших союзных республик, у которых в нашем городе не было никаких родственников. Ярость нарастала. Я думал: «Неужели на этом заводе не найдется человек, который бы остановил этого подлеца и отомстил бы ему за все? Этим человеком буду я». Следующая мысль была страшной: «Взять молоток и разбить этому скоту голову?» Но опыт солдата и инженера тут же выдал мне все возможные проблемы, которые возникнут при этом: «С первого удара молотком ты не сможешь его вырубить. Он окажет тебе сопротивление, овладеет тем молотком и вырубит тебя самого». Я вспомнил, как во время службы в армии я вступил в рукопашную схватку с противником, бил его прикладом автомата по голове – но настоящего удара нанести ему не мог. Вместо этого у меня получались какие-то слабые толчки – я не мог по-настоящему, с намерением убить, ударить живого человека.

Я постепенно начинал успокаиваться. В голову приходили уже более здравые мысли: «Ты не посмеешь убить человека. Надо искать какой-то другой, более цивилизованный, путь». И тут я вспомнил, что месяц назад этот начальник приказал мне внести в смету большое количество дорогостоящего материала – этот материал не требовался для изготовления механизма. Подписанная мной смета давала право на получение на складе указанного в ней материала. Начальник хотел получить этот материал и забрать его домой – то есть совершить кражу. Никогда за всю свою работу сметчиком я не позволял кому-либо таким образом обворовывать завод. Но в данном случае я должен был выполнить распоряжение начальника. Я нашел правильное решение – внес тот материал в смету, сделал ее копию и потребовал у начальника написать на полях этой копии, что указанный материал внесен в смету по его распоряжению, в чем расписаться. Очевидно, не понимая, что он подписывает себе приговор, начальник выполнил мое требование.

Я нашел тот документ с его подписью, снял с него копию и приложил ее к докладной записке на имя директора, в которой сообщал о факте хищения заводского имущества моим начальником. Все это передал директору. Хозяин завода очень жестоко расправлялся с работниками, совершавшими кражу его имущества. Я понимал, что уже гарантировано мой начальник будет уволен с работы, имея в своей трудовой книжке запись: «Уволен по статье ... за хищение имущества». С такой формулировкой этот подлец уже не имел никаких шансов устроиться на приличную работу.

На другой день начальник вызвал меня в свой кабинет. Не поднимая на меня глаз, он произнес: «Из-за твоей докладной у меня большие неприятности. По-человечески помоги мне – забери назад докладную». Конечно, другой человек на моем месте крикнул бы ему:

– Подонок! О чем ты просишь меня? А сам ты что творишь?

Ну не был я кровожадным монстром. Человек просил меня о помощи – пусть это был мой враг. Но мы же должны любить наших врагов. Я ответил ему как старому хорошему другу:

– Я помогу тебе.

В тот же день я забрал у директора свою докладную и порвал ее. Но, как я узнал позже, вскоре после моего увольнения, руководство завода заставило начальника тоже уволиться. После этого я несколько раз встречал его в городе – он всегда подходил ко мне и молча протягивал руку. Я жал ему руку и приветливо спрашивал:

– Ну как жизнь?

Он отвечал:

– Нормально, – и спешил по своим делам.

Оказавшись безработным, я еще раз убедился в справедливости пословицы: «Что бог ни делает – все к лучшему». Теперь мне не надо было рано вставать, добираться до завода, напрягать все свои умственные силы для выполнения невероятно сложной и ответственной работы,

стараться угодить начальникам, а после окончания рабочего дня безмерно уставшим добираться домой. К моей пенсии по инвалидности в «Центре занятости» добавили еще небольшое пособие – и я мог довольно сносно жить на эти деньги, нигде не работая. Я даже накопил на сберкнижке приличную сумму на приобретение компьютера.

Мои сыновья были уже взрослыми. Они честно отслужили в Российской армии, так же как я когда-то в Советской. Они были неплохими специалистами по компьютерам. Жили они на родине моей бывшей супруги. Я позвонил им и попросил их приехать ко мне, чтобы помочь мне купить хороший компьютер. Они приехали и сделали все как надо – и в доме у меня появилась эта интересная игрушка. Вскоре я подключил к компьютеру Интернет.

Однажды, перебирая книги, я наткнулся на ту газету 12-летней давности с моей статьей о спасении мальчика. Я перечитал ее. Впечатления были очень яркими.

У меня было много свободного времени. Я часто заходил на городской рынок, в ту его часть, которая называется барахолкой. Там по дешевке можно было купить интересные книги и другие вещи. А еще у меня там было много знакомых, таких же одиноких мужчин, как и я. Мы всегда собирались там и рассказывали друг другу какие-нибудь истории – чтобы не забыть в одиночестве родной язык. Я рассказал им про ту статью в газете с описанием случая, когда один мальчик погиб в воде, а другого я спас. Все слушали мой рассказ с особым интересом. Когда я закончил, меня спросили:

– Ну тебя чем-нибудь наградили за это?

Я ответил:

– Нет.

Кто-то сказал:

– Тебя должны были наградить медалью «За спасение погибавших».

Одна женщина, которая стояла рядом и тоже слушала мой рассказ, возмущенно крикнула:

– Эти сволочи только себя награждают!

Кто-то посоветовал мне:

– Обратись куда-нибудь. Должны наградить. Тем более, сохранилась статья в газете.

Придя домой, я серьезно задумался над этим советом. При этом я вспомнил, что когда-то прочитал в одной книге, как 200 лет назад один русский мужик спас человека, упавшего в прорубь. В тот же день об этом доложили русскому царю. И царь без всяких наградных листов и справок, подтверждающих факт спасения, не откладывая ни на день, наградил спасавшего медалью «За спасение погибавших». Я подумал, что если 200 лет назад существовала такая простая процедура награждения этой медалью, то сейчас эта процедура никак не может быть сложнее. Я считал, что достаточно сообщить о моем поступке нашему Президенту, и он в тот же день наградит меня этой медалью.

Я нашел в Интернете сайт, с которого можно было послать письмо Президенту. С помощью сканера я сделал копию той газеты. Потом написал Президенту письмо с описанием того, как спасал мальчика. В конце письма я сообщал Президенту, что до сих пор не представлен к награждению медалью «За спасение погибавших», хотя сохранилась газета с информацией об этом спасении. Письмо и копию газеты я отправил Президенту.

После этого я позволил себе немного помечтать. Я думал, что в администрации Президента получают мое письмо, распечатают его и в тот же день положат на рабочий стол Президента. Президент прочитает его и, не минуты не колеблясь, размашисто напишет на первой его странице: «Наградить медалью «За спасение погибавших»». Потом меня срочно вызовут в Москву, в Кремль, где в торжественной обстановке вручат эту медаль. Я часто видел по телевизору процедуру награждения в Кремле. Люди там были одеты празднично. После получения награды, каждый из них подходил к микрофону и произносил речь. Значит мне тоже надо будет прилично одеться – с этим не было никаких проблем. Но произносить речь в присутствии

такой серьезной аудитории казалось для меня чрезвычайно сложной задачей – я буду сильно волноваться и наверняка опозорюсь с этой речью. Я решил, что заранее напишу речь и выучу ее наизусть – может быть все пройдет нормально.

А еще я думал, что обо мне на центральном телевидении снимут документальный фильм, в котором я буду рассказывать о своей жизни – о службе в армии, о работе инженером. В конце фильма его авторы преподнесут мне сюрприз. Они заранее отыщут того мальчика, которого я спас – теперь это уже взрослый парень. На экране он будет идти ко мне, держа в руках большой букет цветов. Вот он подходит ко мне, протягивает мне цветы – в глазах парня слезы. Дрожащим голосом он благодарит меня за то, что я спас ему жизнь. У меня тоже слезы. Ну не люблю я эти телячьи нежности. А куда деваться? Придется все это терпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.